

Борис Агеев

Миниатюры

Борис Петрович Агеев родился в 1950 году в деревне Кочановке Льговского района Курской области в большой крестьянской семье.

Первая повесть «Текущая вода» была опубликована в популярном журнале «Юность». Борис Агеев издал шесть книг художественной прозы, эссеистики, публицистики и очерков. Седьмая книга избранной прозы вышла в Издательском доме «Славянка» в этом году.

Борис Агеев – лауреат нескольких губернаторских, областных и редакционных премий, премии им. Е.И. Носова, Международной премии им. И. А. Гончарова. По опросу сайта «Российский писатель» был признан лучшим прозаиком 2014 года.

Поздравляем Бориса Агеева с сорокалетием работы в литературе и с 65-летием!

Предлагаем вниманию читателей миниатюры Бориса Агеева.

Свой дом

Есть люди, которым неважно, где жить. Легко расстанутся с одним местом, легко оседают на другом. Была даже песня о них: «...Мой адрес не дом и не улица...» Что ни пень, то околица. Таких людей в Советском Союзе было много.

В молодости и я уехал из родительского дома и где только побывать не хотелось! Упёрся в Камчатку, а ещё и Чукотка звала, Аляска манила, Калифорния. И выяснилось: да я же домосед!

На торговом судне ходил, – в трое суток перемещались на тысячу километров. Выйду на палубу покурить – мимо города, острова и страны. А возвращался в каюту как домой. Там спальный рундук с бортиками, чтобы при качке не вывалился, крохотный столик, привинченный к переборке, табурет финской постройки, зрак иллюминатора, как увеличительная линза между тобой и миром, в которую ты ли смотришь, то ли она в тебя...

В тех переколёвках тянуло бессознательно домой, к милому и привычному, потому и к мимоходящему относился прохладно-внимательно, думая – больше не увижу. Родительский дом в деревне ведь не просто место жительства. Там, в гнезде, в тёплом родном логовище, – корни личности, начала познания мира и жизни...

А потом наступило остывание. Всего на свете не перевидаешь, а превращаться в кочевника, в перекасти-поле не хотелось.

Свой дом с тех пор вожу с собой, как черепаха.

Русский инок

Ребёнком я любил греться зимой на русской печке. Там тепло, сумрачно-таинственно, в крохотном слезливом окошке с боку лежанки можно было протаять дыханием овальную полыню и, пока она затягивалась морозной шкуркой, успеваешь рассмотреть огород в слоновьих сугробах, натоптанную по прогону

траншейную тропинку в школу, дымчатые очертания соседских домов...

Вечером кто-то поскрёбся в хатнюю дверь из сеней, нащупывая щеколду. Отец открыл дверь.

У порога обнаружился вьюноша лет двадцати, в лезлом заячем треухе, в тонкой, выношенной телогрейке, застёгнутой на большие светлые пуговицы, и странном, похожем на юбку, заплатанном чёрном одеянии, с обтрепавшейся добела бахромой понизу, из-под которой виднелись закаляневшие на морозе носки сапог с одной подвязанной бечевой подмёткой. Лицо его с красным носом было обмётано реденькой светлой бородкой, тронутой изморозью, а светло-голубые глаза смотрели, как мне почудилось тогда, с оторопью и наивным удивлением.

Он поискал глазами по хате, обнаружил чёрную бабушкину икону в тёмном углу, снял шапку, перекрестился и пропел что-то непонятное скованным с мороза голоском. Облик его был столь жалостен и нелеп, что я, высунувши над боровком печи голову, неудержимо запрыскал.

– Цыть, псюган! – деланно нахмурил брови отец. Он как-то построжал, стоя напротив паренька, поддёрнул вверх пояс штанов и зачем-то спрятал руки за спину.

– Пода-йте Христа ра-ади! – пропел вьюноша, и по покорному выражению терпения, столь явно отпечатавшемуся на его лице, я догадался, что это побирушка. В те времена ещё ходили по деревням то погорельцы, то обветшавшие старики-колхозники, оставшиеся без кормильцев, то цыгане с детьми. Но этот побирушка не был похож на них, и я не мог понять, почему парень одет в женскую юбку.

Отец засуетился, достал из бодни в кладовке и принёс в хату пласт солёного сала, отрезал полковриги хлеба, в газетный кулёк насыпал варёных картофелин, а потом подал отдельно мочёное яблоко – огромную, налитую, желтоватую антоновку. Вьюноша, благодарственно прищёпывая, заворачивал всё это в тряпицы и складывал в мешок, схваченный по углам верёвочными петлями. Поклонился, перекрестил хату и надел шапку...

В проталине окошка я увидел, как он, припадая на одну ногу, и, видно, повеселев от отцовской щедрости, поспешил к следующей избе. Остановился у тропинки, одной рукой залез в горловину мешка, вынул яблоко, оглянулся – и жадно съел его вместе с косточками.

Позже я узнал, кто приходил в тот морозный вечер. В